Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-37-43

ДЕМЧЕНКО Николай Викторович,
начальник кафедры административно-правовых дисциплин Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, к.ю.н., доцент, e-mail: nvdemchenko@yandex.ru.

КОРЧАГИНА Ксения Александровна,
доцент кафедры административного права ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции, e-mail:twins.86.2@mail.ru.

ТАРАНИН Михаил Александрович,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции, e-mail: v.shanko@mail.ru.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. *В статье исследуется процессуальное содержание права на защиту при обращении с электронными материалами в производстве по делам об административных правонарушениях. Рассматриваются изменения статей 25.1, 25.2 и 25.5 КоАП РФ, вступившие в силу 13 мая 2026 года, различия между просмотром записи, получением копии и технической проверкой ее достоверности. Определяются пределы обработки персональных данных третьих лиц, обязанности органа по обеспечению фактической доступности цифрового материала и последствия необоснованного ограничения ознакомления. Предлагается модель процессуального доступа, включающая сохранение оригинала, регистрацию ходатайства, предоставление воспроизводимой копии, фиксацию ограничений и предоставление реального времени для возражений. Обосновывается критерий существенности нарушения, связанный с утратой стороной возможности оспорить доказательство.*

Ключевые слова: *административное правонарушение, право на защиту, цифровые доказательства, видеозапись, ознакомление с делом, копирование, допустимость, состязательность, процессуальные гарантии.*

DEMCHENKO Nikolay Viktorovich,
Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines at the I.D. Putilin Belarusian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor

KORCHAGINA Ksenia Aleksandrovna,
Associate Professor of the Department of Administrative Law at the Federal State Educational Institution of Higher Education, Ryutinsky Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Police Lieutenant Colonel

TARANIN Mikhail Aleksandrovich,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

ENSURING THE RIGHT TO DEFENCE IN ADMINISTRATIVE OFFENCE PROCEEDINGS AMID THE DIGITISATION OF EVIDENCE

Annotation. *The article examines the right to defence in administrative offence proceedings involving electronic materials. Amendments to Articles 25.1, 25.2 and 25.5 of the Russian Code of Administrative Offences effective 13 May 2026 are analysed. Access to a recording, receipt of a copy and verification of its technical reliability are distinguished. The paper addresses third-party personal data, actual accessibility and the legal consequences of unjustified restrictions. A procedural access model is proposed: preservation of the original, registration of a request, provision of a reproducible copy, recording of restrictions and sufficient time for objections. A materiality criterion is developed based on whether a party lost an effective opportunity to contest the evidence.*

Key words: *administrative offence, right to defence, digital evidence, video recording, case-file access, copying, admissibility, procedural safeguards.*

В современных условиях переход производства по делам об административных правонарушениях к электронным материалам изменяет фактическое содержание права на защиту, поскольку наряду с привычными документами доказательственную основу теперь образуют записи видеорегистраторов, файлы стационарных камер, сведения информационных систем, изображения экрана, выгрузки журналов событий, метаданные и т.д. То есть такие объекты, которые нельзя полноценно исследовать только посредством чтения бумажного описания, так как для их проверки необходимо воспроизвести файл, установить его происхождение и сопоставить с иными материалами. В связи с чем формально предоставленное право ознакомиться с делом утрачивает смысл, если участнику показывают распечатку одного кадра, тогда как юридически значимый эпизод содержится в непрерывной записи. Поэтому, можно сказать, что эффективность защиты определяется реальной технической доступностью информационного содержания.

Федеральный закон от 2 мая 2026 г. № 119-ФЗ внес изменения в статьи 25.1, 25.2 и 25.5 КоАП РФ, прямо закрепив право соответствующих участников знакомиться с аудио- и видеозаписями, делать выписки и снимать за свой счет копии материалов, в том числе с использованием технических средств [1; 2]. И хотя новелла не создала принципиально нового института доказательств, она конкретизировала процессуальные возможности участников применительно к цифровому способу фиксации, поскольку ее значение состоит в устранении неопределенности, когда возможность копирования зависела от организационной позиции конкретного органа или суда, а просмотр видео произвольно подменялся устным пересказом сотрудника. В то же время право знакомиться с аудио- и видеозаписями и право снимать копии сформулированы как самостоятельные элементы процессуального статуса, однако не следует автоматически выводить из закона безусловную обязанность органа изготовить за государственный счет копию в любом запрошенном формате, закон говорит о снятии копий за счет участника. В тоже время, необходимо отметить, что властный орган обязан обеспечить условия для реального осуществления предусмотренного права, такие как доступное помещение, работающую аппаратуру или иной законный способ воспроизведения, возможность применения совместимых технических средств и разумное время. поскольку в противном случае, гарантированная федеральным законом возможность станет зависеть от отсутствия у лица дорогостоящего оборудования.

Мы считаем, что научное исследование цифровых доказательств в административном процессе требует различать три уровня доступа. Во-первых, это информационный доступ, который означает ознакомление с содержанием файла, во-вторых, технический, то есть возможность исследовать параметры, продолжительность, последовательность кадров и свойства носителя и в-третьих, процессуальный, а именно право использовать сведения для ходатайств, объяснений, назначения экспертизы и обжалования. Поэтому участник, которому предоставлен только просмотр отобранного сотрудником фрагмента, реализует первый уровень лишь частично, в то

время как для эффективного оспаривания записи требуется достаточный объем информации о происхождении и сохранности файла и объем раскрытия должен соотноситься с обстоятельствами дела и законными ограничениями прав третьих лиц.

М. Г. Терехов, изучая применение цифровых доказательств в административном процессе, обращает внимание на вопросы их целостности, достоверности и процессуального использования [7]. А. В. Орлов подчеркивает, что технология представляет инструмент, тогда как основанием процессуальной оценки остается доказывание [8]. В предлагаемом нами подходе такие положения образуют критерий функциональной доступности, когда участнику следует предоставить не абстрактную техническую возможность увидеть изображение, а такие сведения и средства, которые позволяют содержательно поставить под сомнение доказательство. Право на защиту не тождественно здесь праву на получение любого закрытого программного кода комплекса, но включает возможность проверить существенные свойства записи.

Не маловажную проблему, на которой мы так же хотим заострить внимание, создает выбор между оригинальным цифровым объектом и производной копией, поскольку оригинал может храниться в памяти технического средства или ведомственном архиве, а в дело поступает экспортированный файл после сжатия, изменения контейнера, либо обрезки. А такие преобразования сами по себе не означают фальсификации, но способны уничтожить временные метки и другую диагностически значимую информацию, поэтому орган должен сохранять исходный экземпляр или неизменяемую контрольную копию, документировать технические преобразования и предоставлять участнику воспроизводимый файл с указанием его отношения к оригиналу, поскольку при обоснованных сомнениях в монтаже необходим доступ к более ранней версии или экспертная проверка.

Возможность ознакомиться с записью должна существовать до того, как позиция участника фактически предопределена решением, поздний допуск после рассмотрения дела не всегда устраняет нарушение, поскольку лицо могло бы представить свидетеля, указать на иной объект в кадре, потребовать проверку временных параметров либо оспорить идентификацию транспортного средства. Вот почему при заявленном ходатайстве о просмотре ключевого материала необходимо оценивать достаточность времени для подготовки возражений, поскольку отказ перенести заседание при одновременном предоставлении большого файла за несколько минут до рассмотрения может сделать предоставленное право сугубо формальным.

Отметим, что статья 24.1 КоАП РФ ориентирует производство по делу об административном правонарушении на всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств, а статьи 26.2 и 26.11 требуют использовать законно полученные доказательства и оценивать их по внутреннему убеждению на основе совокупности исследованных материалов. А такие установки несовместимы с заранее установленной силой видеозаписи, поскольку высокое качество изображения не гарантирует верность даты, идентификации лица, отсутствия сокращения или корректность интерпретации события, даже автоматическая фиксация подлежит проверке в пределах специального правового режима [5; 6]. И, следовательно, ознакомление является не техническим удобством, а условием эффективного оспаривания обвинительного вывода.

Показательно в этом плане постановление Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2026 г. № 32-АД26-4-К1, когда суд рассмотрел ситуацию, где после фиксации одного нарушения автоматическим комплексом произошла переквалификация на другой состав, для которого материалы и процедура не соответствовали установленным требованиям и процессуальные акты были отменены [6]. Данный пример вовсе не означает универсального запрета переквалификации по видеозаписи, он показывает другое, каждое вменяемое событие должно подтверждаться соответствующим способом фиксации, а выбор упрощенной процедуры не может подменять условия ее применения. То есть, возможность стороны увидеть не только кадр, но и характеристики записи приобретает здесь непосредственное защитное значение.

Не следует так же смешивать процессуальное право на копирование и режим персональных данных, поскольку видеозапись способна содержать лица посторонних, сведения о детях, государственные регистрационные знаки и детали частной жизни. Наличие таких элементов естественно может потребовать организационных мер при обращении с копией, но не должно автоматически оправдывать отказ выдать всю запись, если именно последовательность событий существенна для дела. Отметим, то закон о персональных данных [10] служит основанием для адекватной защиты информации, поэтому в рамках административного производства следует искать способ одновременной реализации права на защиту и охраны третьих лиц, к примеру, контролируемый просмотр оригинала и выдачу копии с закрытием исключительно несущественных фрагментов. При этом, затемнение изображения допустимо только после оценки того, не меняет ли оно смысл доказательства, поскольку если

посторонний прохожий является потенциальным свидетелем, его положение или движения объясняют дорожную ситуацию, удаление фрагмента нарушит возможность защиты. Нельзя объявлять сведения «лишними» лишь потому, что они не вошли в первоначальную версию должностного лица, предлагается обязанность мотивировать редактирование копии, какие участки скрыты, с какой целью, где хранится полная версия и каким образом суд либо вышестоящий орган может ее исследовать, а при споре следует обеспечить доступ к незатемненному оригиналу в контролируемых условиях.

Формат же копии требует на наш взгляд отдельного регулирования, поскольку предоставление видеоматериала в проприетарном контейнере, открываемом только ведомственной программой, фактически блокирует самостоятельное исследование, но в тоже время требовать перекодирования любого файла без учета риска изменения параметров также неправильно. Считаем, что практически целесообразно предоставлять либо копию в исходном формате с законно доступным проигрывателем, либо совместимый экспорт вместе с фиксацией преобразования и сохранением исходной версии, а в материалах дела важно отразить длительность, размер, формат, имя файла и контрольное значение, чтобы участник мог сопоставить изученный объект с тем, на который ссылается постановление.

Контрольное хэш-значение в данной ситуации является удобной гарантией идентичности копии определенному цифровому объекту, но не доказывает, что запись достоверно отражает событие до начала фиксации, поскольку если монтаж произведен до вычисления контрольной суммы, совпадение хэшей лишь подтверждает неизменность уже измененного файла. Поэтому проверка строится на совокупности происхождения, целостности и содержательной достоверности, и подобное разграничение особенно важно для записей из мессенджеров и файлов, представленных гражданином, так как право второй стороны оспорить источник не должно зависеть от того, кто первым представил материал [9].

В то же время при рассмотрении ходатайств сторон об ознакомлении необходимо различать объективную невозможность немедленного копирования и неправомерный отказ, поскольку если оригинал временно находится в экспертном учреждении, техника неисправна либо сведения содержат охраняемую тайну, орган вправе организовать законный альтернативный порядок, но должен сообщить причины, сроки и способ реализации права. Ведь неопределенное предложение «обратиться позднее» без фиксации даты и процессуального решения не обеспечивает проверяемости, поэтому важным элементом предлагаемой модели является регистрация ходатайства с указанием конкретного материала, заявленного способа ознакомления и результата его рассмотрения.

Хотим так же обратить внимание на тот факт, что реализация права на защиту не ограничивается интересами привлекаемого лица, Закон № 119-ФЗ уточнил также полномочия потерпевшего, защитника и представителя [2; 3]. Поэтому орган обязан строить процедуру доступа так, чтобы она не создавала неравенства в зависимости от процессуального статуса, так как объем раскрытия может различаться в силу специальных охраняемых интересов, но критерий должен быть правовым и мотивированным. К примеру, адвокат, заявляющий ходатайство о технической экспертизе видео, должен получить достаточные сведения о версии файла, а потерпевший возможность выявить обстоятельства, которые опровергают или дополняют первоначальную квалификацию.

Информационное неравенство особенно заметно в делах с автоматическими комплексами, когда административный орган располагает эксплуатационной документацией и архивами, а собственник транспортного средства получает постановление с ограниченным набором изображений, а для проверки принадлежности автомобиля, номера, временной синхронизации и режима работы комплекса ему могут требоваться дополнительные материалы. Хотя пункт 26 постановления Пленума Верховного Суда № 20 определяет признаки автоматического режима и обращает внимание на метрологические и программные характеристики применяемых средств [5], при конкретном мотивированном споре об автоматическом режиме целесообразно обеспечивать доступ к релевантным техническим сведениям, не подменяя его общей справкой о сертификации. В то же время уточним, что не всякий отказ в предоставлении дополнительного технического документа означает существенное нарушение права на защиту, поскольку если спор касается факта управления автомобилем, а участник уже располагает полным видео и не объясняет значение запрошенного внутреннего регламента программного обеспечения, требование может быть избыточным. Иная же ситуация возникает, когда постановление зависит от алгоритма распознавания конкретного состава, а лицо прямо указывает на невозможность установить, фиксирует ли комплекс данное нарушение. Здесь ограничение технического доступа может лишить возражение предметной основы, а критерий существенности должен быть связан с реальным влиянием непредоставленного материала на возможность оспаривания.

Так же отметим, что право на защиту предполагает и реальную возможность предло-

жить альтернативную интерпретацию цифрового эпизода. Один кадр может демонстрировать автомобиль за стоп-линией, но не раскрывать момент смены сигнала, наличие регулировщика или действие другого участника движения, поэтому сокращение записи допустимо лишь при сохранении достаточного контекста. По нашему мнению, орган должен определить начало и конец юридически значимого события, а сторона получить возможность ходатайствовать о просмотре соседних кадров и при наличии технической возможности суд будет исследовать более длинный фрагмент, не ограничиваясь снимком, приложенным к постановлению.

В связи с чем нами предлагается четырехчастная модель обеспечения доступа. Первая часть — идентификация и сохранение цифрового объекта, то есть источник, время, формат, место хранения и первичная контрольная копия. Вторая — процессуальная коммуникация, разъяснение прав, регистрация ходатайства, организация просмотра и копирования. Третья — защита законных интересов, а именно минимизация персональных данных третьих лиц, фиксация ограничений и сохранение полной версии. И четвертая — реальное использование, то есть срок для возражений, возможность назначения экспертизы, приобщения альтернативных записей и заявления ходатайств. И здесь же отметим, что нарушение любого элемента требует оценки последствий, но не автоматически означает недопустимость всего дела.

Для законодателя же представляется полезным уточнить порядок работы с электронными приложениями к делу, возможно закрепить, что при приобщении цифровой записи уполномоченное лицо фиксирует идентификатор носителя или файла, длительность, формат и способ сохранения, а при изготовлении производной копии указывает ее отношение к исходному объекту. Дополнительно следует предусмотреть мотивированное разрешение спора о возможности предоставления копии и требование сохранять первичный файл до окончательного разрешения дела и завершения предусмотренных законом процедур обжалования. Мы считаем, сто такие предложения не изменят виды доказательств, но повысят их проверяемость. На ведомственном же уровне необходимы единые инструкции по организации ознакомления, предусматривающие совместимые средства воспроизведения, журнал запросов, правила хранения и уничтожения копий, защиту персональных данных и своевременное предоставление носителей. Обучение сотрудников правоохранительных органов в этом контексте должно включать понимание разницы между исходным файлом, экспортом, скриншотом и распечаткой. Поскольку на практике, когда должностное лицо не может объяснить происхождение файла и ограничивается утверждением, что он поступил «из системы», не обеспечивает цели административного доказывания и техническая культура здесь становится частью культуры законности.

В данном контексте заслуживает внимания позиция В. В. Шанько, И. А. Ряпухиной и В. А. Сопиги, которые связывают обеспечение прав человека в административной деятельности полиции с наличием четко регламентированных процессуальных гарантий, мотивированностью принимаемых решений и надлежащей фиксацией действий сотрудников с использованием современных технических средств [12, с. 362]. Развивая данную позицию применительно к цифровизации административного производства, полагаем, что контроль законности должен охватывать не только соблюдение формальных процедур, но и техническую проверяемость доказательственной информации, включая сохранность исходного файла, возможность его воспроизведения и документирование ограничений доступа.

Не менее важна на наш взгляд и судебная практика оценки процессуальных нарушений. Здесь нами предлагается критерий утраты эффективного оспаривания, то есть нарушение признается существенным, если оно лишило участника возможности вовремя узнать юридически значимое содержание цифрового материала, проверить существенное свойство записи или использовать результаты проверки при рассмотрении дела. При таком подходе исправление несомненно возможно, если после устранения дефекта сторона получает реальное время и процессуальные средства для защиты. В противном же случае если же нарушение неустранимо, к примеру, оригинал удален до возможной проверки, вывод о достоверности производной копии требует особенно строгого обоснования.

Практически значимым остается и вопрос о доступности аудиозаписей для участников с нарушениями слуха и видеоматериалов для лиц с нарушениями зрения, здесь закон закрепляет право на ознакомление, но способ его реализации должен учитывать возможность содержательного восприятия доказательства. поскольку если участник не способен самостоятельно прослушать ключевую запись, надлежащим процессуальным решением могут быть участие защитника, специалиста, доступная расшифровка при сохранении исходного файла и возможность уточняющих вопросов. Расшифровка же в свою очередь не заменяет оригинал, особенно если спор касается интонации или длительности паузы, но расширяет реальность участия, поэтому органу следует фиксировать, какие адаптирующие средства предоставлены и позволили ли они подгото-

вить позицию, не объявляя формальный показ файла достаточным.

Отдельное значение на наш взгляд несомненно имеет техническая ошибка при передаче копии, поскольку файл может не открываться, оказаться неполным или содержать иной эпизод с похожим именем. В таких случаях если лицо своевременно сообщает о проблеме, орган обязан рассмотреть ее по существу, а не ссылаться на то, что носитель был вручен под расписку, поскольку факт передачи физической флеш-памяти не доказывает передачу пригодной к воспроизведению информации, в спорных случаях следует сверять размер, контрольные значения, длительность и состав каталога, а после исправления недостатка предоставлять разумный срок для ознакомления. Мы считаем, что такой подход снижает риск отмен постановлений из-за чисто организационных, но существенных для защиты ошибок.

Значительный потенциал имеет и предварительное раскрытие электронных приложений одновременно с уведомлением о месте и времени рассмотрения дела, хотя предоставление доступа через личный кабинет должно сопровождаться проверкой адресата, фиксацией открытия файла и сохранением возможности очного ознакомления, нельзя считать юридически достаточным размещение ссылки, если ее срок действия истек до момента обращения или электронная система не работала. При техническом же сбое доказательство должно быть доступно другим законным способом, поскольку цифровая форма не отменяет обязанность органов обеспечить участие человека, не располагающего устойчивым интернет-соединением или специальными программами.

Таким образом, мы видим, что цифровизация не снижает содержание права на защиту, а меняет его технические условия, изменения, действующие с 13 мая 2026 г., прямо закрепили доступ к аудио- и видеозаписям и копирование материалов, поэтому дальнейшая задача законодателя состоит в разработке воспроизводимого и проверяемого порядка реализации этого права и в этом контексте предлагаемая нами модель соединяет сохранение исходного объекта, доступность формата, мотивированное ограничение персональных данных и полноценное время для возражений, а ее центральный критерий это не формальное наличие записи в деле, но возможность участников содержательно проверить и оспорить юридически значимую цифровую информацию.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, ст. 25.1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/0147088a5497571bd1de83d7a7f6ce9ea7504a22/ (дата обращения: 17.09.2026).

[2] Федеральный закон от 02.05.2026 № 119-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=505900&moduleId=1 (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Прокуратура Российской Федерации. Расширен перечень прав участников производства по делам об административных правонарушениях. 18.05.2026. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_glskfoyufo/activity/legal-education/explain/social-rights/e8494191/ (дата обращения: 17.09.2026).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ» (действующая редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (дата обращения: 17.09.2026).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327611/649fd6e13e0475dd2dbee61b48811e6dd96345fd/ (дата обращения: 17.09.2026).

[6] Постановление Верховного Суда РФ от 23.07.2026 № 32-АД26-4-К1. URL: https://base.garant.ru/414690364/ (дата обращения: 17.09.2026).

[7] Терехов М. Г. Опыт зарубежных юрисдикций по применению цифровых доказательств в административном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. С. 57–67. URL: https://www.vestnikspbmvd.ru/ru/nauka/article/104892/view (дата обращения: 17.09.2026).

[8] Орлов А. В. Доказательства и цифровизация: приоритеты развития административного процессуального права // Административное право и процесс. 2026. № 2. С. 73–77. DOI: 10.18572/2071-1166-2026-2-73-77. URL: https://lawinfo.ru/articles/12797/dokazatelstva-i-cifrovizaciya-prioritety-razvitiya-administrativnogo-processualnogo-prava (дата обращения: 17.09.2026).

[9] Грибачев А. А. Цифровые доказательства и автоматизация в практике возбуждения административных дел полицией: правовые гарантии и риски // Молодой ученый. 2026. № 4 (607). С. 256–258. URL: https://www.moluch.ru/archive/607/133058 (дата обращения: 17.09.2026).

[10] Федеральный закон от 27.07.2006

№ 152-ФЗ «О персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 17.09.2026).

[11] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 17.09.2026).

[12] Шанько В. В., Ряпухина И. А., Сопига В. А., Контроль и надзор за соблюдением прав человека в административной деятельности полиции // Право и управление. 2026. № 2. С. 359–363. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-359-363..

References:

[1] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ, Art. 25.1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/0147088a5497571bd1de83d7a7f6ce9ea7504a22/ (date of reference: 17.09.2026).

[2] Federal Law of 02.05.2026 No. 119-FZ "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=505900&moduleId=1 (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Prosecutor's Office of the Russian Federation. The list of rights of participants in proceedings on cases of administrative offenses has been expanded. 18.05.2026. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_glskfoyufo/activity/legal-education/explain/social-rights/e8494191/ (дата обращения: 17.09.2026).

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2005 No. 5 "On some issues arising from the courts when applying the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" (current version). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (access date: 17.09.2026).

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.06.2019 No. 20 "On some issues arising in judicial practice when considering cases of administrative offenses provided for by Chapter 12 of the Administrative Code of the Russian Federation." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327611/649fd6e13e0475dd2dbee61b48811e6dd96345fd/ (access date: 17.09.2026).

[6] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.07.2026 No. 32-AD26-4-K1. URL: https://base.garant.ru/414690364/ (access date: 17.09.2026).

[7] Terekhov M. G. Experience of foreign jurisdictions in the use of digital evidence in the administrative process // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. S. 57-67. URL: https://www.vestnikspbmvd.ru/ru/nauka/article/104892/view (access date: 17.09.2026).

[8] Orlov A.V. Evidence and digitalization: priorities for the development of administrative procedural law // Administrative law and process. 2026. № 2. S. 73-77. DOI: 10.18572/2071-1166-2026-2-73-77. URL: https://lawinfo.ru/articles/12797/dokazatelstva-i-cifrovizaciya-prioritety-razvitiya-administrativnogo-processualnogo-prava (дата обращения: 17.09.2026).

[9] Gribachev A. A. Digital evidence and automation in the practice of initiating administrative cases by the police: legal guarantees and risks // Young scientist. 2026. № 4 (607). S. 256-258. URL: https://www.moluch.ru/archive/607/133058 (access date: 17.09.2026).

[10] Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ "On Personal Data." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (access date: 17.09.2026).

[11] Federal Law No. 27.07.2006 of 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (access date: 17.09.2026).

[12] Shanko V.V., Ryapukhina I.A., Sopiga V.A., Control and supervision of human rights in the administrative activities of the police // Law and management. 2026. № 2. S. 359-363. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-359-363..